

Ментальность латышей в зеркале латышских народных анекдотов XIX – начала XX века

Кузнецова Т.И.

Даугавпилсский университет, Латвия

История ментальности / ментальностей является значимым направлением современной исторической науки, актуальность которого как составляющей части социальной истории лишь возрастает.

Цель статьи – на основе анализа лексического состава латышских народных анекдотов выявить некоторые особенности способа мышления / мировосприятия латышей в конце XIX – начале XX века.

Материал и методы. *В работе лингвистическому анализу письменных источников подвергнут комплекс латышских народных анекдотов (5671 единица), опубликованный в 4-х томах в 1929–1930 гг.*

Результаты и обсуждение. *Предмет истории ментальности имеет три грани: способ мышления / мировосприятия; представления о человеке и различных явлениях мира; имеющие место быть формы и нормы поведения людей.*

В данной работе исследована первая грань. Для выявления способа мышления необходим трехаспектный лингвистический анализ вербальных текстов – структурный, функциональный и структуральный. Он позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, отметим почти равное количество существительных, преимущественно антропонимически-предметных, и глаголов, среди которых практически отсутствуют формы, номинирующие ментальные, эмоциональные состояния. Доминирующими являются глаголы, указывающие на физические действия, факты бытия и акты коммуникации. Что говорит о конкретности мышления латышей. Во-вторых, характерной чертой лексического состава латышских народных анекдотов является редкость слов высокой степени обобщения. Об отмеченной конкретности мировосприятия говорит весьма редкое употребление в латышских народных анекдотах прилагательных, что составляет третью особенность лексического тезауруса этих текстов. Четвёртой особенностью лексического тезауруса латышских народных анекдотов является «анормальная» функция частей речи. В роли прилагательного часто оказываются существительные, номинирующие этническую общность. Подобные определения в очередной раз подтверждают основополагающую черту мифологического мышления – неполную выделенность человека из окружающего мира и коррелирующую с ней ограниченность и узость круга социального общения. Часто повторяющиеся прилагательные приобретают устойчивый типологический характер, указывающий на тесноту этого круга, в котором в силу пространственной близости крайне слаб интерес к другому как человеку.

Заключение. *Анализ лексического тезауруса обнаруживает мифологический способ мышления латышей, для которого характерны неполная выделенность человека из окружающего мира и вытекающая отсюда конкретность. Эти черты мифологического мировосприятия свидетельствуют об ограниченности и тесноте сферы человеческих контактов, что было свойственно жизни латышей на территории Латвии того времени.*

Ключевые слова: *ментальность, история ментальности, источник, способ мышления / мировосприятия, лингвистический анализ, латышские народные анекдоты.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 28–32)

Latvian Mentality in the Mirror of Latvian Folk Anecdotes of the 19th – early 20th Centuries

Kuznetsova T.I.

Daugavpils University, Latvia

The history of mentality / mentalities is a significant branch of modern historical science, the relevance of which as a component of social history is only increasing.

The purpose of the article is to identify some features of the mode of thinking / world perception of Latvians in the late 19th and early 20th centuries based on the analysis of the lexical composition of Latvian folk anecdotes.

Material and methods. *This investigation is based on the linguistic analysis of Latvian folk anecdotes (5671 items), published in 1929–1930.*

Findings and their discussion. *The subject of the history of mentality has three facets: the way of thinking / perception of the world; ideas about the man and various phenomena of the world; the existing forms and norms of human behavior.*

The paper deals with the first facet. The revelation of the mode of thinking / world perception embodied in verbal texts demands to use linguistic analysis in three aspects – structure of texts, structural and functional. It makes it possible to conclude the following. First, there is almost equal number of nouns, mainly anthroponomical and object, among which there are practically no forms which nominate mental and emotional states. Verbs, which mean physical actions, facts of being and acts of communication, prevail. This indicates the definiteness of Latvians' thinking. Secondly, the characteristic feature of the lexical composition of Latvian folk anecdotes is the fact that high degree generalization words are rare. The indicated definiteness of world perception is seen in rather rare use of adjectives in folk anecdotes, which is the third feature of the lexical thesaurus of these texts. One more, the fourth, feature of the lexical thesaurus of Latvian folk anecdotes is an abnormal function of the parts of speech. Nouns which name the ethnic community often play the role of adjectives. These definitions confirm once again the basic feature of mythological thinking – an incomplete extraction of the man from the surrounding world and the correlating limitation and narrowness of the social communication circle. Adjectives which are often repeated acquire a stable typological character, that indicates the narrowness of this circle, in which, due to space narrowness, the interest in another person as a personality is very weak.

Conclusion. The analysis of the lexical thesaurus of Latvian folk anecdotes reveals the mythological mode of thinking of the Latvians. The incomplete isolation of a person from the surrounding world and the resulting concreteness define this way of thinking. Such features of this mode of world perception indicate narrowness and density of the sphere of human contacts, which was characteristic of the life of Latvians living in the territory of Latvia of those days.

Key words: mentality, history of mentality, source, way of thinking / perception of the world, linguistic analysis, Latvian folk jokes. (Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 28–32)

История ментальности / ментальностей как направление исторической науки выкристаллизовывается в начале XX века и сохраняет свою значимость по сей день, становясь, пожалуй, всё более актуальной в качестве составляющей социальной истории, понимаемой как история взаимоотношений людей и природы, людей и людей, людей и вещей в разных сферах человеческой жизни, на разных её уровнях и в двух измерениях – физического действия и восприятия. Существеннейшим фактором, обусловившим «рождение» истории ментальности, видится «восстание масс» [1] и обнаружившееся, прежде всего, в Первой мировой войне доминирование иррационального начала в поведении людей, организуемых в массы. Это побудило, помимо психологов, историков [2] и социологов [3], обратить внимание на психологию в поисках глубинной мотивации человеческого поведения, т.е. на наличные и формируемые различными средствами коммуникации осознанные и неосознанные, но оттого не менее реальные представления людей о себе и о мире. Массовые [коллективные, бессознательные] представления и составляют предмет изучения истории ментальности, но не исчерпывают его, поскольку краеугольным камнем человеческого сознания, включая и бессознательное, является способ мышления / мировосприятия, который находит своё выражение в содержании структуры текстов, оставленных людьми и зафиксированных в письменно-визуальных формах или наблюдаемых непосредственно реактивных, автоматически проявляемых формах поведения человека в различных ситуациях. Потому предмет истории ментальности имеет три грани:

1. Способ мышления / мировосприятия.
2. Представление о человеке в различных явлениях мира.
3. Наличные, имеющие место быть нормы / формы поведения людей.

Цель статьи состоит в обнаружении некоторых черт ментальности латышей, проживающих на территории Латвии на рубеже XIX–XX веков.

Материал и методы. В работе лингвистическому анализу письменных источников подвергнут комплекс латышских народных анекдотов (5671 единица), опубликованный в 4-х томах в 1929–1930 гг.

Результаты и обсуждение. В данной работе остановимся на первой грани в исследовании ментальности. Для выявления способа мышления / мировосприятия необходимы, прежде всего, вербальные тексты и их лингвистический анализ, аспекты которого составляют, во-первых, структурный, ориентированный на построение текста, вплоть до грамматической формы слов. Во-вторых, функциональный, учитывающий, в роли каких частей речи и членов предложения оказываются слова и, в-третьих, структуральный (или контекстно-семантический), учитывающий сочетаемость слов и вытекающие отсюда смысловые оттенки (см. о языке в изучении мифологического мышления, мифа).

Весьма значимым источником для изучения ментальности латышей являются «Латышские народные анекдоты», собранные из различных источников: устных, включая рассказы очевидцев или участников каких-либо жизненных ситуаций [4, с. 386–387], и письменных, извлечённых из газетных, календарных публикаций, начиная с первых лет XIX века, и заканчивая 20-ми годами XX века. Составителем и редактором четырёхтомного издания, увидевшего свет в 1929–1930-х годах, стал Петерис Биркертс (1881–1956) – незаурядный человек, чьи интересы, занятия и оставленный им след не исчерпывают его определения как «литературоведа и фольклориста», а «написанные им тексты так своеобразны, что до сих пор надлежащим образом не интегрированы в латышскую культуру [5, с. 744], как отмечает современный исследователь. До того, как в 43-летнем возрасте Биркертс решил заняться собиранием латышского фольклора, он в 20-х годах написал первые в Латвии учебники по психологии и социологии.

Обратиться к фольклору латышей, главным образом, к пословицам и поговоркам, затем к народным анекдотам П. Биркертса побудил мучивший его вопрос: «Неужели он (наш народ) только работает, поёт

и, по возможности, мало думает. Ему важно было доказать наличие творческого гения у латышей, их способности мыслить, найти свойственную этому народу философию. Кроме того, не менее значимым для Биркертса было включение латышей в мировое культурное пространство, что привело к помещению в подготовленном к публикации четырёхтомнике народных анекдотов обширного очерка “Anekdote pasaules literatūrā” / “Анекдот в мировой литературе” [6, с. 15–50], написанного его братом, писателем и литературоведом Антоном Биркертсом. Открывая четвёртый, завершающий том, посвящённый непристойным анекдотам, П. Биркертс наметил возможные линии их изучения: «Народные анекдоты – это фольклор, который годится как исследовательский материал для фольклориста, историка и историка культуры, филолога, врача, юриста, педагога и для разных других учёных» [7, III]. Однако востребованность этих текстов учёными разного, особенно исторического, профиля неравномерна и невелика. По замечанию Г. Пакалнса, «самым популярным [множественно] полностью или частично переизданным, а также наиболее исследованным] является четвёртый том, чьё содержание неприличные анекдоты» [5, с. 751]. Заметим, что для историка информативный потенциал источников не ограничивается сведениями о разнообразных жизненных реалиях с той или иной степенью частотности упоминаемых в них (в данном случае анекдотов). Как подчеркнул сам составитель сборника латышских народных анекдотов, «они имеют большое значение как документы народной психологии» [8, с. 3]. Для раскрытия же её необходимо выявление картины мира, системный характер которой обусловлен способом мышления / мировосприятия, выраженным в языке, в структуре тезауруса вербальных текстов, в слове, ибо в нём, по мысли Л.С. Выготского, «сознание отображает себя, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» [9, с. 509].

В основе способов / типов мышления, именуемых исследователями мифологическим и научно-логическим [10–14] лежит мера ощущаемой / осознаваемой дистанционности человека от окружающего мира и себя. Последний момент характеризует самосознание. Индикаторами обособленности являются качественная однородность – неоднородность человека и природно-предметного мира и связанное с этим разделение или отсутствие его на субъект – объект. Следует, однако, иметь в виду, что в любую культурно-историческую эпоху сосуществуют, переплетаясь в определённой корреляции, ментальные установки обоих типов мышления / мировосприятия, составляющего глубинную основу поведения людей.

Опубликованные П. Биркертсом латышские народные анекдоты, количеством в 5671 единицу, записанную 869 лицами от 1565 сказителей, и относящихся по большей части к рубежу XIX–XX веков, существенно

отличаются от привычных сегодня такого рода текстов. Они не обладают высокой степенью абстрагирования, позволяющей кратко и ёмко выразить суть много- и разнообразных явлений, будучи подобны бытовым зарисовкам, способным скрасить совместные посиделки тёмными вечерами, не слишком обременёнными трудами. Типологически эти разного объёма, от одного предложения до нескольких страниц, рассказы могут быть сопоставимы со средневековыми западноевропейскими *exempla*, однако, в отличие от них латышские народные анекдоты не имеют дидактической направленности [15, с. 7]. Данные особенности этих текстов проявились в их лексическом тезаурусе, ряд черт которого, манифестирующих определённый способ мировосприятия, и определим в данной работе.

Итак, во-первых, отметим почти равное количество существительных, преимущественно антропониически-предметных, и глаголов, среди которых практически отсутствуют формы, номинирующие ментальные, эмоциональные состояния. Доминирующими являются глаголы, указывающие на физические действия, факты бытия и акты коммуникации, например, «Es viņam uz to parādīju / Я ему на это показал...» [3, с. 346]; «Kāds kungs vēlu naktī atgriezies mājās / Некий господин поздно ночью вернулся домой...» [7, с. 445]; «Čīgānam gadījies braukt ar vilcienu / Случилось цыгану ехать на поезде...» [7, с. 255]; «Maza meitene vārījusi piena putru / Маленькая девочка варила молочную кашу...» [4, с. 93]; «Muižas kungs dod saviem 24 kalpiem lasīt gada kontrakti / Управляющий помещьем даёт своим 24 слугам читать годовой контракт...» [3, с. 181]; «Kāda saimniece bijusi ļoti skopa / Некая хозяйка была очень скупой...» [4, с. 321]; «Kādu rītu vēl krēslā no krogus nācis piedzēris vecis / Каким-то утром ещё в сумерках из корчмы шёл пьяный старик...» [3, с. 257]; «Kādam baronam bijušas divas muižas / У некогo барона было два имения...» [3, с. 2017]; «Mācītājs, isklusinājot bērņus, jautājis kādam zēnam: Ko tu zini, mans bērņs? / Пастор, выслушивая детей, спросил одного мальчика: Что ты знаешь, моё дитя?» [3, с. 342]; «Reiz bijis kāds mācītājs, kas ļoti mīlējis medības. Viņš vienmēr ņēmis uz baznīcu šauteni līdz / Однажды был какой-то пастор, который очень любил охоту. Он всегда брал с собой в церковь ружьё...» [3, с. 407]; «Dzīvojis kāds vīrs ar sievu / Жил некий муж с женою...» [16, с. 133]; «Kādu vakaru puisis aizgājis uz kaimiņiem pie savas izredzētās / Каким-то вечером пошёл парень к соседям к своей избраннице...» [16, с. 217].

Подобные глаголы бытия, наличия чего-либо, акты коммуникации и физического действия демонстрируют мир как данность осязаемых, в силу минимальной дистанционности вещей, вовлечённых в систему непрерывного и непосредственного взаимодействия, что в свою очередь отсылает к мифологическому мышлению. Во-вторых, характерной чертой лексического состава латышских народных анекдотов является редкость слов высокой степени обобщения. С этим наблюдением коррелирует замечание М. Кауд-

зитиса (1848–1926) о низком уровне «нашего газетного дела», доказательством чего является неизвестность «латышам до появления газеты *Peterburgas avīzes* / «Петербургская газета» (1862–1865) даже таких слов, как «политика», «религия», «культура», «библиотека», «манифест» и др.» [5, с. 76]. Почти не встречается номинация «человек». Хотя в текстах, относящихся к началу XX века и преимущественно имевших хождение в городской среде, заметно появление неопределённо-обобщающих обозначений, таких как «*viens cilvēks* / один человек» [7, с. 563], «*kāds vīrs* / некий мужчина» [7, с. 363], «*kāda jaunava* / некая девица» [7, с. 364], «*kāds ārsts* / некий врач» [7, с. 362], «*kāda māte* / некая мать» [7, с. 362], что свидетельствует о приращении рациональности и, соответственно, способности абстрагирования, главным образом, у латышей, живущих в городе или близ него. Однако известное обобщение не исключает социальной определённости номинируемых лиц – по полу, возрасту, социальному положению, роду занятий, месту в системе родственных отношений, этнической и локальной принадлежности. Всё это указывает на конкретность восприятия человека, которая свойственна мифологическому мышлению. Конкретность же мировосприятия умягчает антропологическое измерение человека, затрудняет понимание и приятие человеческой сущности любого социально-конкретного индивида. О конкретности явленного в анализируемых текстах мышления говорит и отсутствие типизирующих имён при наличии весьма значительного количества личных имён и прозвищ, например, «*Kārlis, Lība un Spricis tiek notiesāti uz gadu cietumā* / Карлис, Либа и Сприцис осуждены на год тюрьмы» [7, с. 217]; «*Janka stāvēja tur, Mikus tur* / Янка стоял там, Микус там» [7, с. 221]; «*Jēkabs brauc Rīgā iepirkties* / Екаб едет в Ригу за покупками» [7, с. 115]; «*Cīgāns saucs Jūris Sklanda* / Цыган, называемый Юрис Скланда» [7, с. 214]; «*Žīds iet ar savu dēlēnu Meiski pastaigāties* / Жид идёт со своим сыном Мейской прогуляться» [7, с. 248]; «*Loru tirgotājs Josels Meieršteins* / Продавец скота Йосель Мейерштейнс» [7, с. 260]; «*Vecais Ivāns* / Старый Иван» [7, с. 378]; «*Jūrīt, pasaki man* / Юрочка, скажи мне» [7, с. 416]; «*Žīds ar dēlu Joski* / Жид с сыном Йоской» [7, с. 34]; «*Kāds skroderis vārdā Zelts* / Какой-то портной по имени Золото» [7, с. 23]; «*Kad Dižkārlis [Dundagas barons] braucis pa ceļu* / Когда великий Карлис ехал по дороге» [3, с. 27]; «*Žīdu rabbīns ar savu kučieri Moški* / Жидовский раввин со своим кучером Мошкой» [3, с. 68]; «*Leiba Icigan iesmēģējis saunas ādu* / Лейба Ицигу всучил шкуру куницы» [7, с. 67]; «*Pēter, nāc no lauka* / Петер, выходи» [7, с. 406]; «*Jāni Biezumu ļaudis sauca par Sibīrijas izēdēju* / Яниса Биезуму люди звали сибирским едоком» [7, с. 531]; «*Talsos dzīvojis barons, kuru sauca par Melno Pēteri, ļoti tumšas sējas krāsas dēļ* / В Талси жил барон, которого звали Чёрный Петерис из-за очень тёмного цвета кожи лица» [3, с. 89] и т.д.

Личные имена, и тем более, прозвища, изобличают ограниченность круга общения людей и частотность,

регулярность контактов в нём, откуда вытекает слабая отстранённость, которая затрудняет рождение рефлексии и рациональности, возможности понимания и осознанно осмысленного поведения, предрасполагая к поведению немедленно реактивному.

Об отмеченной конкретности мировосприятия говорит весьма редкое употребление в латышских народных анекдотах прилагательных, что составляет третью особенность лексического тезауруса этих текстов. Прилагательные по сути своей всегда определяют некое качество вещей, явлений, состояний, действий и потому требуют определённой дистанции между наблюдающим / говорящим и предметом наблюдения / описанием. В рассматриваемых текстах латышских народных анекдотов, несмотря на редкость, тем не менее, прилагательные встречаются, причём, чаще всего, они выражают непосредственное впечатление – характеристику наблюдаемого впечатления человека, нередко сопряжённую с оценкой его внешнего облика, например, «*Skaista, bet slinka meita* / Красивая, но ленивая дочь» [4, с. 142]; «*Briesmīgi skaista meita* / Ужасно красивая дочь» [4, с. 104, 105, 111]; «*Nikna sieva* / Злая жена» [7, с. 531]; «*Par viņa līgavu runā, ka esot ļoti slinka* / О его невесте говорят, что она очень ленива» [4, с. 111]; «*Tas Levensteins gan bijis traks kungs* / Этот Левенштейнс был сумасшедший господин» [3, с. 71].

Подобные определения в очередной раз подтверждают основополагающую черту мифологического мышления – неполную выделенность человека из окружающего мира и коррелирующую с ней ограниченность и узость круга социального общения. Часто повторяющиеся прилагательные приобретают устойчивый типологический характер, указывающий на тесноту этого круга, в котором в силу пространственной близости крайне слаб интерес к другому как человеку.

Четвёртой особенностью лексического тезауруса латышских народных анекдотов является «анормальная» функция частей речи. Так в роли прилагательного часто оказываются существительные, особенно номинирующие этническую общность. Например, «*Zēns vaicā vācu zēnam: Ka tevī sauc?* / Мальчик спрашивает немецкого мальчика: Как тебя зовут?» [4, с. 80]; «*Reiz kāda vācu muižniece apstaigājusi kalpu mājas* / Однажды некая немецкая помещица обходила дома слуг» [4, с. 94]; «*Poļu muižnieks* / Польский помещик» [4, с. 146]; «*Leišu robežas* / Литовские пределы» [4, с. 132]; «*Krievu zaldāts* / Русский солдат» [7, с. 178]; «*Vācu madāmiņa* / Немецкая мадамочка» [7, с. 58]; «*Vācu kungs* / Немецкий господин» [7, с. 447]. Этнонимы, употребляемые в качестве прилагательных, указывают на включённость индивида в общность, принадлежность к которой определяет его качество и само существование. Таким образом, индивидуальное «я» становится, с одной стороны, тождественным этнически окрашенному «мы», но с другой – не растворяется в социально-этническом целом, сохраняя свою единичность. «Мы» при этом предстаёт не органическим целым, а совокупностью единиц.

Такое в языке воплощённое и потому выводящее на пласт бессознательного в системе сознания представление о человеке и его соотношении с разного уровня социальными общностями демонстрирует малую дистанцию между индивидом и миром, в котором он живёт.

Однако этнонимы, употреблённые в качестве прилагательных, не только указывают на человеческую общность, осознаваемую как особую и обособленную (этноним всегда является знаком очуждения), но и дают качественную характеристику тем или иным явлениям и институтам – времени, администрации, армии, вплоть до языка: «Krievu valdības laiks / Время русско-го правления» [7, с. 377]; «Vācu okupācijas laikā / Во время немецкой оккупации» [7, с. 386]; «Vācu laikā / В немецкое время» [7, с. 380]; «Krievu laikā / В русское время» [7, с. 172]; «Krievu un vācu zaldāti / Русские и немецкие солдаты» [6, с. 173]; «Vācu valoda / Немецкий язык» [7, с. 430–431]; «Latviešu valoda / Латышский язык» [7, с. 429] и т.д. Это вновь говорит о конкретности мировосприятия и косвенно свидетельствует о весьма глубоком проникновении немецкого и русского начала в ткань жизни латышей. Заметим, что при переводе во всех подобных случаях следовало бы существительные-этнонимы в функции прилагательных переводить на русский язык не прилагательными, а существительными в родительном падеже множественного числа, однако это не отвечало бы нормам русского языка.

В свою очередь, прилагательные, равно как и причастия, нередко оказываются в роли существительных – антропонимов, например: «Kristītais / Крещёный» [3, с. 255]; «Vecākais / Старший» [7, с. 431]; «Vecais / Старый» [7, с. 475]; «Mazais / Малый» [7, с. 431, 388]; «Taisnie, netaisnie / Праведные / неправедные» [7, с. 523]; «Mīļais / Любимый» [7, с. 242]; «Cienīgā / Уважаемая» [7, с. 404]; «Notiesātais / Осужденный» [7, с. 477] и т.д. При этом, некие качества, позиции, состояния «застывают», превращаясь в обозначение носителя данного качества. Человек в такой ситуации предстаёт качественно определённым и неизменным, а конкретное, временное, ситуативное становится надвременным, сущностным, субстантивированным.

Ещё одной характерной чертой состава существительных в анализируемых текстах является относительная редкость отглагольных существительных, образованных от глаголов, указывающих на физические действия, например: «Gulēšana» от gulēt / спать, «Ēšana» от ēst / есть, «Skriešana» от skriet / бежать», «Vajāšana» от vājāt / преследовать и т.д. Подобные отглагольные существительные являются обобщениями, свидетельствующими о способности человека абстрагироваться от наблюдаемых им ситуаций людского поведения и отделить само действие от актора. Отметим, что такое словоупотребление заметно в текстах, записанных в Риге и её округе. Но гораздо более частотны отглагольные существительные антропонимы, в которых манифестируется нерасторжимость действия и актора, например: «Adītāja / Вязальщица» [7, с. 438]; «Audzinātājs / Воспитатель» [7, с. 431]; «Ceļotājs / Путешественник» [7, с. 438]; «Ēdējs / Едок» [7, с. 432];

«Dziedātājs / Певец» [7, с. 403], «Spēlētājs / Игрок» [7, с. 432] и др. Что опять же демонстрирует значимость ментальных установок мифологического мышления в системе мировосприятия латышей. Причём, будучи весьма слабо отрефлектированными гуманитарной наукой в Латвии, неосознанными широкой аудиторией и транслируемыми языковыми формами, они сохраняют свою силу и в ментальности современных латышей, проявляющейся в их социально-политическом и, в частности, речевом поведении.

Заключение. Анализ лексического тезауруса латышских народных анекдотов выявил мифологический способ мышления, лежащий в основе ментальности латышей. Для него характерны неполная выделенность человека из окружающего мира и вытекающая отсюда конкретность. Такие черты мифологического мировосприятия свидетельствуют об ограниченности и тесноте сферы человеческих контактов, что было свойственно жизни латышей на территории Латвии в рассматриваемый период.

Литература

1. Франкфорт, Г. В преддверии философии / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Д.Ж. Уилсон, Т. Якобсен. – М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1984. – 236 с.
2. Блок, М. Короли чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 712 с.
3. Latvju tautas anekdotes. – 3. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1930. – 643 lpp.
4. Latvju tautas anekdotes. – 2. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1930. – 591 lpp.
5. Kaudzītis, M. Atmiņas no tautiskā laikmeta / М. Kaudzītis. Rīgā: Zvaigzne ABC, 1994. – 615 lpp.
6. Birkerts, A. Anekdote pasaules literatūrā / A. Birkerts. // Latvju tautas anekdotes. – 1. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1929. – lpp. 15–50.
7. Latvju tautas anekdotes. – 4. sējums. – Rīgā: Literatūra, 1930. – 624 lpp.
8. Birkerts, P. Priekšvārds / P. Birkerts // Latvju tautas anekdotes / A. Birkerts. – 1. sējums. Rīgā: Literatūra, 1929. – lpp. 3–13.
9. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Психология. – М.: Апрель-Пресс. Эксмо-Пресс, 2002. – С. 262–510.
10. Вейнберг, И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока / И.П. Вейнберг. – М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1986. – 208 с.
11. Дьяконов, И.М. Архаические мифы Востока и Запада / И.М. Дьяконов. – М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1990. – 247 с.
12. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Терра-Книжный клуб, «Республика», 1999. – 392 с.
13. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: «Восточная литература» РАН, 2006. – 407 с.
14. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства и другие работы. – М.: Радуга, 1991. – С. 40–476.
15. Гуревич, А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1989. – 366 с.
16. Pakalns, G. Pēteris Birkerts – ieskats biogrāfijā un mantojumā / G. Pakalns // Latvju tautas dzīves gudrība. – Rīgā: Jāņa Rozes apg. 2020. – lpp. 744–754.

Поступила в редакцию 18.11.2021